Кукуева Г.В.**Рассказчик ребенок в малой прозе В.М. Шукшина (на материале текста рассказа «Дядя Ермолай»)***Сургутский государственный педагогический университет
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2018-05

idsp: 000001:spc-26-03-2018-05

Аннотация

Объектом изучения в статье является образ рассказчика ребенка. Предметом анализа выступает функция рассказчика ребенка в художественно-речевой структуре рассказа «Дядя Ермолай». В результате анализа установлено, что ребенок в роли нарратора эксплицируется в ретроспективных фрагментах текстов с перволичной формой повествования. Слияние сюжетного настоящего и прошлого времен дает возможность субъектно-речевой сфере рассказчика ребенка перемещаться по пространственно-временной плоскости рассказа. Такой композиционный прием организации текста дает возможность автору внутренние ощущения героев – от их детского восприятия до взрослых переживаний.

Ключевые слова: художественно-речевая структура текста, рассказы В.М. Шукшина, рассказчик, перволичная форма повествования.

Произведения В.М. Шукшина принято относить к деревенской прозе в силу описания сельского быта и его жителей. На первый взгляд, бытовые ситуации, участниками которых оказываются обычные люди, ничем не примечательны. Однако именно посредством этих ситуаций В.М. Шукшин раскрывает характер русского человека: кем каждый из нас является на самом деле, как проявляет свои настоящие качества не в героическом событии, а в обычном каждодневном переживании бытовых проблем – вот что интересует художника слова. Писатель выстраивает целую типологию героев: «простой человек», «чудик», «характер», «мещанин», «светлая душа» и т.д., наряду с этим детские образы в шукшинской прозе занимают особое место и требуют отдельного изучения.

Дети в прозе В.М. Шукшина – это особый мир душевной гармонии, непосредственности поступков и выражения собственной позиции, это мир взросления и осознания своего места в нем. Психологическая глубина в описании детской души отражена в рассказах «Боря», «Горе», «Далекие зимние вечера», «Дядя Ермолай», цикл «Из детских лет Ивана Попова», «Космос, нервная система и шмат сала», «На кладбище» и др.

Образы детей дают возможность писателю погрузиться в мир собственного детства, связанного с душевным теплом, ощущением дома, защищенностью со стороны матери: *«Мы все некоторое время молча смотрим на родимую реку. Я вырос на ней, привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, мощный шум... Теперь не сидеть мне на ее берегах с удочкой, не бывать на островах, где покойно и прохладно, где кусты ломаются от всякой ягоды <...>... Не заводиться с превеликим трудом — так, что ноги в кровь и штаны на кустах оставишь — бечевою далеко вверх и никогда, может быть, не испытать теперь величайшее блаженство — обратный путь домой. Как нравилось мне, каким взрослым, несколько удрученным заботами о семье мужиком я себя чувствовал, когда собирались вверх «с ночевой» <...> (Цикл «Из детских лет Ивана Попова» «Первое знакомство с городом»)* [4]. По мнению В.Я. Зимина, «детство в трактовке русских писателей является не только символом беззаботности и счастья, но и особым видением мира, основанном на коренной черте русской души – извечной сыновности и стремлении ее к очищению» [1, с. 30].

В данной статье нами будет рассмотрена функция рассказчика ребенка в речевой композиции рассказа «Дядя Ермолай». Выбор материала исследования продиктован сложностью композиционно-речевой организации текста, тем, что рассказчик реализуется в двух ипостасях: в событиях настоящего времени – как взрослый рассказчик, в событиях прошлого – как рассказчик ребенок.

Образ ребенка в поэтике В.М. Шукшина, на наш взгляд, связан с проблемой первичного открытия мира в детстве. Именно поэтому писатель наделяет юного героя нарративной функцией. Образ рассказчика ребенка представлен в текстах рассказов с перволичной формой повествования, предполагающей конструирование автором не только действительности, но и рассказчика как говорящего субъекта.

Повествование в рассказе «Дядя Ермолай» начинается с репрезентации двух пространственно-временных континуумов. В речевой композиции произведения наблюдается взаимодействие пространственно-временных планов, фиксирующих переход повествовательного звена от взрослого рассказчика к ребенку.

Точка зрения взрослого рассказчика организует повествование как с содержательной, так и с композиционной стороны. Взрослый человек предстает в ипостаси говорящего субъекта, чья речь играет роль зачина к событиям из прошлого: «Вспоминаю один случай». Использование в речи говорящего глагольных лексем настоящего времени «вспоминаю», «бываю», «прихожу», «вижу», дейктического элемента с темпоральной семантикой «теперь» («в настоящее время, в данный момент, сейчас») создает иллюзию процесса рассказывания «в настоящий момент», что способствует беспрепятственному проникновению читателя в ситуацию события.

Композиционный центр рассказа «Дядя Ермолай» составляет ретроспективный план, организующийся образом рассказчика подростка. Переключение временного регистра в план прошлого расширяет границы повествования и эксплицирует еще одну грань говорящего. В ретроспективных фрагментах текста мальчик предстает как объект и субъект процесса рассказывания: «Была страда. Отмолотились в тот день рано, потому что заходил дождь <...>. Мы ребятишки, рады были дождю, рады были отдохнуть <...>» [4]. Как видно из приведенного примера, смысловая позиция взрослого рассказчика опирается на индивидуальное восприятие ребенка «Небо – синё-синё, и уже дергал ветер» и переносит читателя в события прошлого «Мы, ребятишки, рады были дождю». Субъектно-речевые сферы мальчика и взрослого рассказчика на протяжении всего повествования взаимодополняют друг друга.

Субъект речи мальчик репрезентируется в ремарочном компоненте речевой партии повествователя. Свидетельством этому является смена временного ракурса повествования: «У Гришки круглые, ясные глаза, он **смотрит** не мигая». Глаголы настоящего времени, номинативные предложения передают не только «живую» речь рассказчика ребенка, но также способствуют развертыванию «сиюминутности» персонажного диалога. Вводно-модальные слова и сочетания «мне **показалось**», «**видно**», повторяющееся наречие «**опять**» фиксируют время рассказывания «Дядя Ермолай из последних сил крепился, чтоб **опять** не взвиться. **Опять** сморщился...», «Дядя Ермолай ушел за скирду... **Опять**, наверно, всплакнул» и свидетельствуют о повышенной субъективации повествования. Лаконичность в описании поведения и мимики персонажа посредством глагольного ряда «крепился», «сморщился», «ушел», «всплакнул» вместе с отмеченными характеристиками ремарочного компонента ведет к разрушению традиционной для художественного текста рамки между внутренним (художественным) миром и внешним (интерпретационным). «Разгерметизация миров» осуществляется по линии ввода читателя-зрителя в ситуацию диалога персонажей. Проявление лика ребенка как субъекта речи свидетельствует о нарративной функции ремарки, что придает объемность речевой партии повествователя в рассматриваемом рассказе. На протяжении всего повествования наблюдается движение эмоционально-оценочных позиций взрослого рассказчика и ребенка в сторону их слияния и

преобразования в авторскую интенцию: «И дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек» [4].

Итак, образ ребенка в рассказе В.М. Шукшина «Дядя Ермолай» функционирует в особых пространственно-временных координатах: то сливается с голосом взрослого рассказчика, то звучит как самостоятельное нарративное звено, актуализирующее ретроспективный план прошлых событий. Воспроизводя образ мальчика, особенности его речевой манеры, ощущения и эмоции, автор, с одной стороны, пытается вновь пережить впечатления прошлого, окунуться в мир детства, с другой – представить жизнь как цепочку взаимосвязанных жизненных эпизодов, раскрывающих судьбу отдельно взятой личности.

1. Зимин В. Я. Тема детства в творчестве К. Д. Воробьева: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2004. 192 с.
2. Николина Н.А. Повествовательная структура и жанр. М.: Прометей, 1993.
3. Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): дисс... д. филол. н. М., 2002. 403 с.
4. Шукшин В.М. собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1984.

Лядкина В.О., Курбанов И.А.

Особенности функционирования и перевода имен собственных на английском и русском языках (на материале произведения Клайва Льюиса «Последняя битва» и его переводов на русский язык)

*Сургутский государственный университет
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2018-06

idsp: 000001:spc-26-03-2018-06

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы функционирования и перевода имен собственных. На материале произведения Клайва Льюиса «Последняя битва» и его переводов на русский язык рассматриваются особенности перевода имен собственных с английского языка на русский язык.

Ключевые слова: имена собственные, антропонимы, топонимы, астронимы, переводческие трансформации, Клайв Льюис.

Abstract

The article considers the problems of functioning of proper names and their translation. The translation features of proper names of the novel "The Last Battle" by Clive Lewis from English into Russian are regarded in the article.

Key words: proper names, anthroponyms, toponyms, astronyms, translation transformations, Clive Lewis.

Сегодня общепринятым фактом является утверждение, что нет непереводаемого в языке. Все единицы языка могут быть переведены на другой язык, если не прямо (лингвистические универсалии), то посредством приблизительного перевода, объяснений, лингвокультурологического комментария. Как правило, наибольшую трудность при переводе представляют слова, не имеющие прямого соответствия в переводящем языке по причине отсутствия в иноязычной культуре данного явления или предмета. Это так называемая культурно-маркированная лексика. Среди данной лексики выделяются имена собственные.